

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СТАНДАРТОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В РЕШЕНИЯХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СУДОВ

FEATURES OF THE APPLICATION OF STANDARDS OF INTERNATIONAL PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS IN DECISIONS OF NATIONAL COURTS

Z. Suyunova

Summary. This article discusses the application by national courts of the provisions of the European Convention on Human Rights, the content of which is reflected in the decisions of the European Court of Human Rights. The author analyzes the problem arising from the contradiction between the principle of subsidiarity implemented by the ECHR and the principle of freedom of national discretion implemented by the Constitutional Court of Russia. The author noted the lack of a unified approach to the interpretation of such crucial elements in the field of property protection as the concept of indirect nationalization, balance of interests, public control of the state over property.

Keywords: protection of property rights, principle of subsidiarity, principle of freedom of national discretion, indirect nationalization, protection of public interest, balance of private and public interest.

Суюнова Заира Мухарбиевна

Старший преподаватель, Северо-Кавказская
государственная академия (СКГА)
zaira_suyunova@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы применения национальными судами положений Европейской конвенции по правам человека, содержание которых отражено в решениях Европейского суда по правам человека. Автором проанализирована проблема, возникающая вследствие противоречия между принципом субсидиарности, реализуемым ЕСПЧ, и принципом свободы национального усмотрения, реализуемым Конституционным Судом России. Автор отметил отсутствие единого подхода к вопросам толкования таких важнейших элементов в сфере защиты собственности как понятие косвенной национализации, баланса интересов, публичный контроль государства над собственностью.

Ключевые слова: защита права собственности, принцип субсидиарности, принцип свободы национального усмотрения, косвенная национализация, защита общественного интереса, баланс частного и публичного интереса.

Построить эффективную систему защиты экономических прав исключительно на национальном уровне, без учета положений и стандартов международного права и правоприменительной практики надгосударственных судебных инстанций не может ни одно государство. От согласованности национальных правовых систем с международным правом во многом зависят и уровень международного сотрудничества государства, и его авторитет. Как правомерно отмечают некоторые авторы, обращение к международному опыту в настоящее время необходимо не только в рамках научных исследований, но и при разработке новых законов [13]. Данный подход по-разному находит отражение в национальных источниках. Так в Российской Федерации учет положений международного права проявился в приоритете общепризнанных принципов и норм международного права, которые являясь частью правовой системы РФ тем не менее имеют большую юридическую силу (ст. 15 Конституции РФ) Вы-

шеупомянутый конституционный принцип нашел свое отражение в действующем ФЗ от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [1], а также конкретизирован впоследствии в практике Конституционного Суда РФ.

Признавая в ч. 3 ст. 46 Основного закона возможность каждого обращаться за защитой в международные (наднациональные) судебные институции, государство тем самым признает и юридическую силу правоприменительных актов ЕСПЧ с оговоркой, касающейся ситуаций, предусмотренных Постановлением Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах РФ», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части

четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства РФ и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы», которым признан приоритет Конституции РФ и определено, что в случае, когда постановление ЕСПЧ, вынесенное против России, основано на таком толковании положений Конвенции, которое входит в противоречие с Конституцией РФ, такое постановление ЕСПЧ не может быть исполнено в России.

В настоящее время прослеживается тенденция фактического непринятия Россией на безусловном уровне решений ЕСПЧ как наднациональной судебной инстанции в случаях, когда есть основания полагать, что решение ЕСПЧ носит политизированный и предвзятый характер, а потому государство посредством осуществления конституционного судопроизводства принимает решение о неисполнении судебного акта ЕСПЧ в связи с его несоответствием положениям Конституции РФ.

На данный момент практика непризнания и не приведения к исполнению решений ЕСПЧ по делам, связанным с реализацией права собственности, ничтожно мала, чтобы отследить какую-либо закономерность. Единственным примером является Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» [3], в котором орган конституционного правосудия указывает на необходимость нахождения разумного баланса «с тем, чтобы принятое им (*Конституционным судом.* — *Авт.*) решение, с одной стороны, отвечало бы букве и духу постановления Европейского Суда по правам человека, а с другой — не вступало бы в противоречие с основами конституционного строя Российской Федерации и установленным Конституцией Российской Федерации правовым регулированием прав и свобод человека и гражданина».

По результатам рассмотрения дела, КС РФ признал невозможным исполнение Постановление Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» [7], указав на то, что неисполнение ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» налоговых обязательств могло подорвать не только экономическую стабильность

Российской Федерации, но и ее политическую стабильность, посягая на принцип равенства всех перед законом.

Указанное позволяет обосновать мнение о том, что в настоящий момент существует противоречие между принципом субсидиарности, реализуемым ЕСПЧ, и принципом свободы национального усмотрения, реализуемым Конституционным Судом России, которое в рамках защиты права на свободное владение недвижимостью и уважение собственности хоть и представлено единичным случаем из практики, однако может рассматриваться как прецедент, иллюстрирующий несоблюдение принципа баланса интересов лица — субъекта экономических отношений, а также интересов государства и общества.

В конкретном случае ЕСПЧ исходил из позиции наличия в деле исключительных обстоятельств, в то же время апеллируя к необходимости соблюдения условий законности и пропорциональности при изъятии имущества в пользу государства в ходе национализации. Аргументируя свое решение, ЕСПЧ указал на непропорциональность требований России как государства-ответчика, имея в виду то обстоятельство, что сумма претензий первоначально составляла \$28,3 млрд., но в дальнейшем была увеличена до \$114,2 млрд.

В то же время, на принцип пропорциональности ссылаясь и орган конституционного правосудия России в процессе непризнания решения ЕСПЧ и не приведения его к исполнению, считая итоговую сумму взыскиваемой компенсации завышенной как минимум на \$20 млрд. Кроме того, Россия аргументировала обоснованность своих действий предусмотренным в том числе и в ст. 1 Протокола № 1 правом контролировать использование имущества в соответствии с общими интересами лица, общества и государства, реализуемых законным путем.

Следует также отметить, что позиция России базируется на преобладании публичных интересов перед интересами собственника, вплоть до непризнания юрисдикции ЕСПЧ в конкретном деле в связи с его политизацией.

При этом, юридическая сила Конвенции в России не оспаривается, а ее значимость для установления приоритета прав и свобод лица в России признается на высоком уровне, поскольку Конвенция является уникальным по своему юридическому влиянию «конституционным инструментом европейского общественного порядка». Указанное обуславливается тем, что роль ЕСПЧ в формировании обобщенного видения основных прав и свобод подтверждает стремление го-

сударств-участников «связать» установленными Конвенцией стандартами национальное право.

В этой связи, несмотря на проанализированное исключение из общего правила признания решений ЕСПЧ в вопросах защиты права собственности в России, с целью дальнейшего развития российского законодательства в соответствии с нормами и принципами международного права, крайне важной является соотносимость опыта применения ЕКПЧ в практике ЕСПЧ по указанным вопросам с национальной правоприменительной практикой России. Указанное обусловлено тем обстоятельством, что «знание практики ЕСПЧ является неотъемлемой частью познания права и системы ЕКПЧ. Изучая или знакомясь исключительно с текстом Конвенции о правах человека, почти невозможно прийти к однозначному выводу, каким образом она должна толковаться и применяться. Конвенция создает свою уникальную систему юриспруденции, которая если даже и не должна быть наследуема, в отличие от юридически обязательных источников права, поскольку не является прецедентом в его классическом понимании, то в любом случае должна быть известна юристам-практикам. И хотя подход Конвенции к решению вопросов о признании нарушения прав человека и, в частности, права собственности, и отличается от подхода отечественной юриспруденции, все же Конвенция и ее нормы, как нормы международного права, является частью законодательства России, должны быть понятными для юристов из цели надлежащего применения ее норм» [15].

Поскольку с ратификацией ЕКПЧ Россия приняла на себя два типа обязательств (приведение в соответствие с ЕКПЧ национального законодательства и устранение нарушений прав и свобод человека), то согласованное с прецедентной практикой ЕСПЧ национальное правоприменение будет свидетельствовать о гарантировании конвенционно защищаемых ценностей, в том числе — и связанных с обеспечением мирного владения имуществом, а также уважением права собственности. Как справедливо отмечают некоторые авторы, изменение политического устройства страны и переход к рыночной экономике привели к необходимости усовершенствования всех разделов и институтов гражданского законодательства, включая механизмы защиты права собственности [12].

На данный момент декларативно законодательство России о защите права собственности соответствует требованиям ЕКПЧ, и, в частности, ст. 1 Протокола № 1, которой закреплены основные принципы осуществления права собственности и его ограничения, а именно — беспрепятственное осуществление собственником дозволенных правомочий в отношении своего имущества; границы допустимого разумного вмеша-

тельства государства в осуществление правомочий собственника.

Однако, на практике возникают вопросы, связанные с осуществлением национализации или иных форм изъятия имущества собственника в адрес государства, в том числе — в рамках косвенной национализации, а также процессуальные вопросы, связанные с обеспечением уважения права собственности, выработкой законного, пропорционального и сбалансированного способа защиты права собственности, влекущее необходимость обоснованного (адекватного, взвешенного, оправданного) применения практики ЕСПЧ.

В этой связи представляется целесообразным проанализировать практику применения судами России положений Протокола № 1; решений ЕСПЧ в этой сфере с целью выявить проблемные вопросы в процессе применения практики ЕСПЧ и положений Протокола № 1 национальными судами.

Показательным является дело, в рамках которого заявители (Расторгуев и другие, итого — 12 человек), являвшиеся добросовестными приобретателями, жаловались на то, что они были выселены из квартиры, которую они приобрели у лица, не имевшего на нее прав, однако об этом заявителям не было известно во время покупки квартиры.

ЕСПЧ Постановлением от 27.06.2017 по делу «Расторгуев и другие против Российской Федерации (Rastorguyev and Others v. Russia)» [4] единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требования статьи 1 Протокола № 1 (защита собственности) в отношении некоторых заявителей, и обязал государство-ответчика выплатить заявителям 25 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

Указанное Постановление, а также разрешенная им проблема, по духу и букве закона близки с иными примерами из практики ЕСПЧ, в частности, с Решением ЕСПЧ «Стретч против Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии» [8] (2003 г.), в рамках которого Судом озвучен вывод, что «признание недействительным договора, согласно которому покупатель получил имущество от государства, и дальнейшее лишения его этого имущества на основании того, что государственный орган нарушил закон, недопустимо».

На указанное решение ЕСПЧ в процессе судебного разбирательства по делу Расторгуева и других один из истцов ссылаясь как на аргумент, обосновывающий его правовую позицию относительно необходимости защиты права собственности, что свидетельствует о по-

степенном внедрении прецедентной практики ЕСПЧ в правоприменение национальных судебных институций.

В контексте применения права, задекларированного в ст. 1 Протокола № 1, не являются исключением и налоговые споры, где на практику ЕСПЧ все чаще ссылаются и судебные органы. В этой категории споров установление обязанности уплатить налог или лишение права получить налоговую выгоду (налоговый кредит или бюджетное возмещение НДС) рассматривается как лишение собственности. Соответственно, оно должно осуществляться «на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права» [16].

Среди самых известных решений ЕСПЧ, принятых по этому вопросу, является упомянутое выше дело «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России», в котором было констатировано, что спор касается не конкретной суммы возмещения налогового платежа или компенсации за задержку его выплате, а общих прав заявителей, связанных как с налогообложением юридического лица, так и с национализацией его имущества.

Кроме того, на одном из этапов рассмотрения указанного дела ЕСПЧ признал, что привлечение налогоплательщика к ответственности после истечения срока давности является нарушением его права на защиту собственности, а отказ налогоплательщику в предоставлении достаточного времени на ознакомление с материалами дела является нарушением его права на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 ЕКПЧ) [7].

Впоследствии, как упоминалось, Суд в связи с обнаруженными нарушениями со стороны России норм материального и процессуального права при осуществлении национализации, постановил взыскать в пользу заявителей рекордную сумму компенсации за нарушение права на защиту собственности в размере 1,9 млрд. евро.

Закономерно, что решение по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России», давшее толчок процессу пересмотра обоснованности признания прецедентной практики ЕСПЧ в России с не приведением в исключительных случаях решений ЕСПЧ к исполнению, не применяется отечественными судами в качестве обоснования правовой позиции правоприменительных органов. Однако практика показывает, что в целом приведенные к исполнению решения ЕСПЧ против России, а также решения, принятые Судом в отношении иных государств по вопросам защиты права собственности, в особенности — при рассмотрении на-

логовых споров, достаточно часто ложатся в мотивировочную часть национальных судебных актов.

Так, в деле «Булвес АД против Болгарии» (2009 г.) [5] Суд признал, что отказ в предоставлении вычета по НДС со ссылкой на налоговые нарушения со стороны поставщика налогоплательщика также нарушает право на защиту собственности. К аналогичным выводам Суд пришел и в упомянутом деле «Стретч против Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии» [8] (2003 г.), а также «Интерсплав против Украины» [6] (2007 г.). На указанные Решения ЕСПЧ ссылались стороны в ряде дел, которые рассматривались национальными судами России, притом, такая практика позитивно воспринята и правовой доктриной России [14].

На необходимость применения прецедентной практики ЕСПЧ ссылается и национальный орган конституционного правосудия в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 21-П от 27 июня 2013 года «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04 ноября 1950 года и Протоколов к ней». Хотя указанное Постановление и послужило толчком для внесения изменений в ст.ст. 104.1–104.4 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2] относительно случаев не приведения к исполнению решений ЕСПЧ, Постановление № 21-П также и акцентирует на необходимости в ходе национального правоприменения использовать прецедентную практику ЕСПЧ.

Изложенное позволяет обосновать значимую проблему, связанную с отсутствием унификации подходов применения прецедентной практики ЕСПЧ в правоприменительной деятельности национальных судебных институций в связи с невозможностью на данном этапе выработать единые критерии приведения решений ЕСПЧ к исполнению. Один из элементов данной проблематики связан с тем, что решения ЕСПЧ хоть и обязательны для соответствующих стран, однако не имеют силу нормативного акта. С точки зрения квалификации данного документа, обстоятельства, изложенные в решении суда скорее будут рассмотрены как вновь открывшиеся обстоятельства, необходимый для возможного пересмотра существующего судебного решения. С другой стороны, система права, не основанная на прецеденте, не позволяет эффективно имплементировать в национальную систему решения международных судов, поэтому требуется значительный период времени, чтобы толкование Европейской Конвенции по правам человека в следствие широкого и длительного применения создало единообразие судебной практики на национальном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О международных договорах Российской Федерации». // «Собрание законодательства РФ», 17.07.1995, № 29, ст. 2757.
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации». // «Собрание законодательства РФ», 25.07.1994, № 13, ст. 1447.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации». // «Собрание законодательства РФ», 30.01.2017, № 5, ст. 866.
4. Постановление ЕСПЧ от 27.06.2017 г. Дело «Расторгуев и другие против Российской Федерации (Rastorguyev and Others v. Russia)» (жалобы № 11808/15, 12068/15, 12253/15, 12472/15 и 25624/15). // «Российская хроника Европейского Суда», 2017, № 4.
5. Решение ЕСПЧ от 22.01.2009 г. Дело «Булвес» АД против Болгарии (жалоба № 3991/03) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12065909/> (Дата обращения: 23.09.2019 г.)
6. Case of Intersplav v. Ukraine (Application no. 803/02) (9 January 2007) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#{«tabview»:«document»,«itemid»:«001-78872»}> (Дата обращения: 23.09.2019 г.)
7. Case of OAO Neftyanaya kompaniya YUKOS v. Russia (Application no. 14902/04) (31 July 2014) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#{«tabview»:«document»,«itemid»:«001-145730»}> (Дата обращения: 23.09.2019 г.)
8. Case of Stretch v. the United Kingdom (Application no. 44277/98) (24 June 2003) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#{«itemid»:«001-61173»}> (Дата обращения: 23.09.2019 г.)
9. J. Crawford and A. Keene, 'The Structure of State Responsibility under the European Convention on Human Rights', in A. van Aaken and I. Motoc (eds.), *The European Convention on Human Rights and General International Law* (2018).
10. Jean-François Akandji-Kombe «Positive obligations under the European Convention on Human Rights» Directorate General of Human Rights Council of Europe F-67075 Strasbourg Cedex © Council of Europe, 2007 1st printing, January 2007 Printed in Belgium
11. Rosana Garcíandia «State responsibility and positive obligations in the European Court of Human Rights: The contribution of the ICJ in advancing towards more judicial integration» *Volum 33, Issue 1, March 2020* pp177–187 <https://doi.org/10.1017/S0922156519000591>
12. Зайцев В.В. Основные направления совершенствования законодательства о залоге // *Юридический вестник Самарского университета*. 2020. Т. 6. № 1. С. 136–144.
13. Зайцев О.В. Проблемы совершенствования гражданского законодательства через призму доктрины // *Юридическая наука*. 2016. № 5. С85–88.
14. Иванец Ю. Как использовать решения Европейского суда в российских налоговых спорах. // *ЭЖ Закон.Ру*, 2017 [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/11/07/kak_ispolzovat_resheniya_evropejskogo_suda_v_rossijskih_nalogovyh_sporah_61292#comment_440431
15. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения. / Под общ. ред. В.А. Туманова, Л.М. Энтина. — М.: Норма, 2002. — С. 99.
16. Сагдеева Л.В. Право на защиту собственности в актах Европейского суда по правам человека. — М.: Статут, 2014. — С. 201.

© Суюнова Заира Мухарбиевна (zaira_suyunova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»